

Блокадный дневник

ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В истории современного человечества мы не найдем трагедии, подобной ленинградской блокаде. С 29 июня по 27 августа 1941 года в первую эвакуацию 488 тысяч жителей были отправлены в тыл страны. 8 сентября вокруг трехмиллионного города замкнулось кольцо блокады. 20 ноября объявлены самые низкие нормы выдачи хлеба в день: 250 гр. работающим, 500 гр. военным, 125 гр. остальным. Наступила самая длинная и морозная зима за многие годы. В первый блокадный год погибло 780 тысяч человек, 97% — от голода и холода. К моменту прорыва блокады в январе 1943 года в городе оставалось около 800 тысяч жителей. Только через год, 27 января 1944 года, Ленинград был полностью освобожден от 900-дневной блокады.

Сухие фактические данные неподвластны осознанию: немыслимое число погибших от голода и холода в одном месте земного шара. Такого быть не может! — отказывается признать сознание. Но государство посчитало, что может пожертвовать миллионом своих граждан, не только не спросив их согласия, но создав иллюзию их желания умереть за Сталина. Сегодня мы уже знаем, что не все люди были в тумане пропаганды. Что же в таком случае двигало всеми? Видимо, великая и высокая сила духа обыкновенного человека, которая сильнее всякой пропаганды: защитить свой род, ребенка от врага и захватчика. Об этом и стихи Анны Ахматовой, и крошечные фрагменты личных воспоминаний жителей блокадного города.

Галина Данилина: «Я родилась в 1937 году и всю блокаду прожила с мамой в Ленинграде. Папа работал на Балтийском заводе. Когда перестали ходить трамваи, он уже не смог ходить до работы, это было слишком тяжело. А через некоторое время мама и я, совсем маленькая девочка, повезли его на санках хоронить на Смоленское кладбище. Мама работала на заводе, который выпускал снаряды, а я ходила в детский сад.

Когда разбомбили Бадаевские (продовольственные) склады, мы ездили туда и собирали землю, перемешанную с сахарным песком. Еще варили ремни, столярный клей — очень вкусно было! Летом собирали и делали лепешки из лебеды.

Дров не было, пришлось сжечь всю мебель и книги. Оставили две книги в тесном переплете — дореволюционное издание Александра Сергеевича Пушкина.

Помню, какое было ликование, когда сняли блокаду Ленинграда, а я думала, что кончилась война».

Людмила Волкова: «Было уже очень голодно и холодно. Перебрались жить на кухню. В ней была большая дровяная плита, ее топили. Потом на нее мама складывала ватники, и мы ложились спать на теплую плиту. Я совсем ослабла и не могла ходить. Утром мама давала мне поесть, что было, и теплой водички. Духовка еще была теплой, она в ней настилала тряпочки, оставляла водички и укладывала меня, и прикрыв дверцу, уходила на работу. Вечером, когда мама приходила домой, я не шевелилась. Кормила меня немножко, и мы снова ложились спать на теплую плиту. Летом пошла в детский сад. Стали жить надеждой».

Людмила Саар: «Наша семья жила под Ленинградом в деревне Погорелушка. Ее сожгли немцы, она осталась только на довоенных картах. Папа работал машинистом и сам отремонтировал теплушку, в которой наша семья поехала с последним поездом на Восток, когда Ленинград уже был отрезан и началась блокада. Папа посадил нас в

**«Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!»**

Анна Ахматова («Клятва»)



Фото: epochtimes.com.ua



Фото: museum.ru



Фото: ura-info.com

- Блокадный Ленинград
- Огород в блокадном Ленинграде
- Концерт в блокадном Ленинграде
- Невский Проспект
- Анна Горохова — пекарь в блокадном Ленинграде



Фото: epochtimes.com.ua



Фото: world-war.ru

Нина Целикова: «В городе начались бомбежки. При звуках сирен все сбегали вниз, в подвалы. Если не успевали, — рассказывала мама, — стояли на лестнице, это было надежнее. Однажды так и было. Вдруг грохот, пыль, ничего не видно. Когда пыль улеглась: стоим на лестнице над пропастью — полдома обвалилось».

Татьяна Серебрякова: «Бабушка, дед — машинист, водивший санитарные поезда на Восток еще в русско-японскую войну, и младшие дочери-двойняшки Муся и Тася остались в Ленинграде. Папин завод со всеми рабочими и их семьями отправили на Урал. Дедушка говорил: «Не берите с собой теплых вещей, к зиме война кончится»... Муся каждый день ходила рыть окопы на подступах к городу. 19 сентября 1941 года к бабушке вдруг постучалась соседка: «Беги, там твоя Муся лежит». Муся лежала в крови на улице, ее ранил осколок. Она умерла в 18 лет, едва успев закончить шко-

лу. Тася отправилась на фронт связисткой, прошла всю войну. Их брат Аркадий пропал без вести, старший брат Александр закончил войну в Вене».

Элина Ханукова из Мюнхена: «Мне было 7 лет, когда началась блокада. Зимой 1941-42 года помню, словно всегда была ночь. Есть хотелось всегда, даже через 20-30 лет. Чтобы получить паек в 125 граммов, бабушка вставала в очередь с ночи, надев свое пальто, а сверху дедушкино. Мама работала и домой не приходила, была на казарменном положении. Весной 1942 года мама и бабушка болели дистрофией и ели первую траву. Летом маме дали от работы огорожок в городском саду, там мы посадили картошку. Все в памяти осталось».

Равиль Гилязетдинов: «Войну встретил трехлетним ребенком. Отец все годы проработал на электростанции, снабжали энергией заводы, домой почти не приходил. Потом о блокаде он не рассказывал. Жили мы далеко от Невы, для воды собирали снег во дворе. Чай всегда был горьким, так осталось в памяти — горький чай».

Татьяна Варзова: «Папа оставался работать на заводе весь первый год блокады. Маму с пятилетней дочкой отправил в эвакуацию. Когда поезд подошел к платформе для посадки, оказалось, что он уже весь заполнен людьми. Начался штурм. Какой-то военный толкнул сестру, маму и ее сестру с дочкой да еще баул с вещами в окно. Так и уехали в глухую деревню — папину родину. Когда эвакуировали папин завод, ему на сборы дали один час. Прибежал домой, схватил впопыхах почему-то только вилки и ножи и побежал на завод. Дом потом разбомбили, и мама всю жизнь жалела, что не осталось никаких семейных фотографий».

Вера Головнёва: «Первую блокадную зиму наша семья прожила в Ленинграде. Мне было три года. Хорошо помню постоянный холод, хотя в печку шло все, что горело, включая стулья, комод и другую мебель. Потом поехали в эвакуацию в товарном вагоне, туалетом служила дыра в полу. Со страхом вспоминаю, как совершенно ослабленная я провалилась в нее, но застряла, потому что опухла от голода».

Тамара Юрина: «Мне 80 лет. Всю блокаду жила в Ленинграде. Я ходила с мамой на работу. Вот едет машина-пятитонка, полностью нагружена трупами, они ничем не прикрыты, по ветру развеваются волосы женщин. Сознание говорит: «Забудь», но память жива по сей день.

Однажды поздно вечером жду маму, метель, а ее все нет. Она входит, а я плачу: «Мама, я думала, что тебя съели». А было так. Мама увидела на улице лежащего молодого человека. Она дала ему кусочек хлеба, помогла встать и довела до дома. Дверь открыла женщина-скелет — его мать, он сказал: «Эта женщина спасла мне жизнь».

Наконец, наступило 27 января 1944 года.

*И в ночи январской, беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.*

Анна Ахматова

Еще долгие десятилетия, когда случалась у людей неприятность, они говорили: «Это ничего, лишь бы не было войны!»

Татьяна ПЕТРОВА

Страницу подготовила в память о своих близких и незнакомых людях